

СУДЬБА

Веч. Ленинград - 1990 - 19 ноября

Мария Папазян:

ВСЮ ЖИЗНЬ МНЕ МЕШАЛА
МОЯ ФАМИЛИЯ...

На самом деле Мария Ваграмовна гордится своей фамилией и ни за что не стала бы ее менять. Просто нередко она доставляла артистке Театра драмы и комедии на Литейном Марии Папазян хлопоты. Она родилась в Крыму в самый разгар гражданской войны. Мама — родом из Курска, недавняя гимназистка, отец — уже тогда известный на всю Европу армянский актер-трагик Ваграм Папазян. Семья кочевала из города в город, пока прочно не осела в Ленинграде.

— Мария Ваграмовна, а где вы поселились, не помните?

— В коммуналке на 6-й Советской. Да, именно там начал свою жизнь в Ленинграде великий Ваграм Папазян. В 1939 он купил дом в Ольгине — тот самый, в котором мы сейчас живем. Во дворе похоронена мама, во время войны ее убило осколком. Всю блокаду мы пробыли здесь, никто не предлагал отцу эвакуироваться... Каждый день он, в быту боявшийся мышей, ходил вечером в театр пешком — из Ольгина и обратно.

— Помимо театрального института и актерской карьеры, у вас был иной выбор?

— Нет. Ни о чем другом я и думать не могла! Хотя мама была против. Отец же не вмешивался в мою жизнь. Накануне первого экзамена взял меня за руку и ответил на Мохувую. И все. Я поступила на курс прекрасного педагога Леонида Сергеевича Вивьена, а когда окончила — пришла показываться в Театр сатиры и юмора.

— Но почему, Мария Ваграмовна? Вы могли бы поступить в труппу любого академического театра — одно слово Папазяна...

— В том-то и дело, что моя фамилия мешала мне всю жизнь. Ведь мы были воспитаны: протекция — это стыдно, даже недопустимо! Поэтому я и пошла далеко не в самый престижный театр. Он назывался тогда на Васильевском, худруком был Г. И. Гуревич. Первую свою роль сыграла в «Соломенной шляпке» Лабиша, потом были «Слуга двух господ» Гольдони, «Чужой ребенок» Шкваркина. Словом, ярко-комедийные роли.

— Вы связали свою жизнь с областным театром. Как-вам в нем жилось?

— По-разному, конечно. И вот почему. В начале тридцатых мы начали ездить по стройкам — Волховстрой, Сясьстрой... И там нас ждал совершенно особый зритель — сосланная интеллигенция. Хотя играли мы в крошечных клубах, тряслись до этого в холодных поездах (трехминутная остановка — и ты сам должен выпрыгнуть, а — потом вместе с рабочими сцены выгрузить декорации!). Но зато знали: мы здесь нужны. Для этих людей наш приезд был

отдушиной... Теперь же, как это ни обидно, никто нас в области не ждет. Люди из сел бегут. Уровень культуры тех, кто остался, крайне низок. А тот, кто действительно любит искусство, садится в машину и едет в театр, в который хочет попасть. По-моему, практика областных театров себя изжила.

— Известно, что ваш отец был человек граждански активный. А вы?

— Папа всегда был на ногах с властью, очень резко о ней высказывался. Может, именно поэтому во время войны его арестовали, и я бегала на Литейный, 4, справляться, что ему грозит. Конечно, ничего мне там не ответили. Через неделю его выпустили. Почему — до сих пор не знаю. Он был слишком известен во всем мире, поэтому не разрешать ему зарубежные гастроли не решались. Зато делали так: когда он в начале тридцатых уехал на гастроли в очередной раз маму вызвал Жданов и сказал: «До тех пор, пока ваш муж за границей, производственные карточки не получите — ни вы, ни ваша дочь». Отец узнал об этом, правдами-неправдами присылал продуктовые посылки. Я человек более... спокойный, что ли. Хотя меня многое возмущало и раньше, и сейчас. Помню, как у нас в театре сняли готовый спектакль «Свидетель обвинения». Это из-за того, что Пристли что-то где-то не так сказал. Да много всякого было! Но впереди колонны я никогда не шла, время свое не опережала.

— С кем из режиссеров

вам работалось лучше всего?

— Пожалуй, кроме Гуревича, могу назвать еще Каму Гинкаса, Гету Яновскую, Сандро Товстоногова. Несмотря на некоторые издержки режиссуры Якова Хамармера, он был во главе театра добрых два десятка лет и сумел привлечь к работе многих талантливых людей. Сейчас я с надеждой смотрю на нового главного режиссера Геннадия Тростянецкого, хотя и представляю, насколько ему будет у нас трудно.

— Ваша любимая роль?

— Все! Нет, правда, я так люблю театр, что любое святое с ним дело — уже счастье. Хотя, если подумать... Наверное, Филумена Мартурано.

— Вы никогда не хотели написать мемуары?

— В Армении вышла книжка моих воспоминаний об отце. Надо бы, конечно, написать о театре своей молодости, но где взять время?

Мария Ваграмовна и вправду очень занята. Маленькая хозяйка своего большого дома, глава семьи, она должна успеть многое. Но мне очень хотелось бы на минутку приостановить эту миниатюрную, подвижную, красивую женщину с глазами, исполненными печалью, а от всей души поздравить с тем, что вот уже полвека она выходит на сцену и дарит нам свое искусство. Дай Бог ей здоровья и сил, новых ролей и надежд.

Беседу вел
С. МЕЛЬНИКОВА

На снимке: заслуженная артистка РСФСР Мария Ваграмовна Папазян.
Фото А. ДЕМЬЯНЧУКА